

- 5 Р у с с к а я г р а м м а т и к а , т . II , с . 224-226.
6 Т а м ж е .

С о к р а щ е н и я

- Claesson - C l a e s s o n S. Vem älskar Yngve Frej. Stockholm, 1973.
Lagerkvist - L a g e r k v i s t P. Gäst hos verkligheten. Stockholm, 1965.
Lagerlöf - L a g e r l ö f S. Nils Holgerssons underbara resa genom Sverige. Stockholm, 1952.
Lang - L a n g M. Vår sång blir stum. Stockholm, 1963.
Martinson - M a r t i n s o n H. Vägen till klockrike. Stockholm, 1967.
Nordkvist - N o r d k v i s t K.R. En dag i oktober. Stockholm, 1976.
Достоевский - Д о с т о е в с к и й Ф. Преступление и наказание. М., 1970; Д о с т о ј е в с к и ј F. Brott och straff / Svensk översättning av H.Björkegren. М., 1979.
Шолохов - Ш о л о х о в М. Собр. соч. в 8-м т., т. I, М., 1956; S j o l o c h o v M. Den azurblå stäppen och andra noveller / Översättning av Staffan Dahl. Stockholm, 1961.

V.V.Ivanitskij

Lexikaliska och konstruktiva medel som uttrycker
aspektbetydelse i modern svenska

Artikeln analyserar lexikaliska och konstruktiva medel i modern svenska vilka utnyttjas för att uttrycka aktionsbetydelse. Här behandlas analytiska och halvanalytiska konstruktioner med ingressiv, durativ, effektiv, kyasiresultativ, iterativ och annan betydelse. Bildandet av ovannämnda konstruktioner betingas av komponenternas semantik. De svenska konstruktionerna jämförs med liknande ryska sådana.

О.А.Комарова

НОРВЕЖСКИЕ ЭФЕМИЗМЫ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Проблема эфемизм вызывает в последние годы все больший интерес лингвистов в связи с тем, что социолингвистика обратилась к изучению взаимодействия языка и экстралингвистических

факторов. Изучение эвфемизмов позволяет осветить некоторые аспекты взаимоотношений языка и морали. По традиционным определениям эвфемизм есть "проявление тактичности или чувства того, что прилично".¹ Эвфемистический импульс существует с древнейших времен, он заставлял избегать прямого наименования некоторых понятий или объектов из страха или суеверия — так возникли древнейшие эвфемизмы. Поздние, как отмечал Е. А. Ларин, "эвфемизм расцветает на почве буржуазного лицемерия, ханжества, либеральной фразы и политической позы, наконец, и подцензурного Эзопова языка".²

В трактовке эвфемизмов проявляются отчетливо две тенденции — психологическая и социологическая. С точки зрения психологии употребление эвфемизмов диктуется лишь соображениями стыдливости, деликатности говорящего. Сторонники социологического подхода склонны игнорировать индивидуальные моменты. Ульман, выделяя три группы эвфемизмов, возникающих по социологическим причинам, отмечает, однако, что ни одна из них "не является абсолютной универсалией, так как они зависят от разных социальных и культурных факторов и возникают только в определенных условиях".³ В советской лингвистике утвердилась точка зрения, согласно которой учитываются как социальные, так и психологические аспекты возникновения эвфемизмов. Убедительным представляется определение, данное А. М. Кацевым: "Эвфемизм есть служащее цели смягчения высказывания косвенное наименование того, что в прямом обозначении неприемлемо с точки зрения принятых в обществе норм морали".⁴

Выделить понятийные сферы употребления эвфемизмов довольно сложно, поскольку границы этого явления в языке весьма расплывчаты. Издавна существуют некоторые, довольно общие, категории. Как уже упоминалось, самими древними являются обозначения всего сверхъестественного, страшного (Skaregen "бог", ságen "черт", gráakjegg "дьявол", grábein "волк"); сюда же относятся представления о смерти (borgang "уход", sove inn "уснуть"); характеристика физических и умственных недостатков (tilbakeliggende "недоразвитый", srgó "псих"), описание некоторых частей тела, физиологических процессов, сексуальных отношений (himren "зад", ytre bekvemmeligheter "удобства во дворе").

Эвфемизмы являются подвижной частью лексики, изменяются в которой обуславливаются изменениями в самой действительности или колебаниями в нравственно-моральных ограничениях, накладываемых обществом. Так, почти исчезли из употребления эвфемизмы, связанные с наименованием некоторых предметов одежды — *permisjonær, de uvennelige* "брижи"; стало допустимым их прямое наименование, а косвенные приобрели стилистическую окраску как средство создания комического эффекта или выражения прони. В связи с исчезновением породивших их понятий многие слова, относящиеся к периоду фашистской оккупации, вышли из активного употребления — *brakkevarer* "спекулянт", *atripet* "сотрудники швей с фашистами" и др.

В традиционно выделяемых сферах эвфемистических замен их социальная обусловленность вытекает не только из соображений морали, вежливости, тактичности (при обсуждении физических или умственных недостатков, пороков нравственности), но и из того, что они позволяют смягчить малоприглядные черты действительности. Так, частенько о денежных неприятностях говорят как о "временных затруднениях" — *en midlertidig forlegenhed* или маскируя неприятный факт "красивым" иностранным словом — *rekniære problemer*. Из официальных отчетов исчезают упоминания о бедности, чаще речь идет о *mindre velstående* "недостаточной обеспеченности". Вероятно, из тех же соображений все большее распространение находит термин *arbejdsledig* "безработный" вместо путающего *arbejdsløs* "безработный"; сдержанное *alderhjem* "пансионат для пожилых" вытесняет скомпрометированное слово *gamlehjem* "дом престарелых". Пополняется синонимический ряд обозначений физической неполноценности или критической оценки умственных способностей. Прямое обозначение инвалида встречается значительно реже, чем слова *vanlig* "нетрудоспособный" — *yrkesvalghemmet* "ограниченный в выборе профессии" — *funktionshemmet* "с ограниченной подвижностью". Для официальных документов, языка прессы характерно в последнее время распространение английского заимствования *handikappet* "не совсем здоровый". Очевидно, употребление заимствованного слова затуманивает напоминание о физическом недостатке. Разнообразны и многочисленны способы косвенного описания состояния опыане-

ни, ср.: *Kvelden før hadde jeg tatt meg en for meget og var lett bedugget* (Lyngar, 10) — "Накануне я выпил лишнего и был слегка навеселе"; *De trodde de skulle kjekke seg ved å ta en dram og mange var tydelig påvirket* (Illustrert, 1968, N 20) — "Они решили подкрепиться, приняв стопочку, и многие были явно под хмельком".

Широкое распространение эвфемизмов характерно не только для норвежского языка, об их росте пишут английские и американские лингвисты. В книге "Американский язык 1970-х" (*The American language of the 1970s*) отмечается, что "постоянный рост эвфемизмов представляет опасность для мыслей и поступков людей, поскольку цель эвфемизмов в основе своей — обмануть; структура любого языка определяет в какой-то степени, как общество, пользующееся этим языком, воспринимает реальность жизни".⁵

В советской лингвистике принято говорить об эвфемистической функции косвенных наименований как о способности смягчать высказывание. Чем неожиданнее употребление слова в качестве эвфемизма, тем сильнее его эффект.⁶ Показательна судьба некоторых из древнейших эвфемизмов, связанных с обозначением бога или дьявола: они настолько стерлись от частого употребления, что утратили свойственную им ранее эвфемистическую функцию, превратились просто в восклицания, междометия: (*for*) *ærgen* "черт побери", *fanken* "черт", *Jøss* "боже".

В разговорной речи происходит постоянный процесс окказиональных эвфемистических замен, вызванных или соображениями приличия или психологическим состоянием говорящего и собеседника. Такие эвфемизмы интересны с точки зрения их семантики и функционирования. В роли окказиональных эвфемизмов часто выступают слова широкой семантики, многозначные слова, фразеологические обороты с глаголами *gå*, *ta*, *få*. Чем многозначнее слово, тем больше возможность ассоциаций с предметами и явлениями, не подвергающимися табуированию. Широкая семантика слова дает возможность затушевать неприятную сущность высказываемого. В качестве окказиональных эвфемизмов нередко выступают такие слова, как *ting* "вещь", *sak* "дело". Довольно часто употребляются в этой роли местоимения *det* "это", *dette* "то",

причем не в функции замещения, а как косвенные наименования табуированного понятия: Det var den kvelden min far tok meg inn på kontoret for å snakke om det (Møte, 121).—"Это было в тот вечер, когда отец пригласил меня в кабинет, чтобы поговорить об этом". В данном случае местоимение обозначает предмет отцовских наставлений — соблазны, подстерегающие юношу. Ср. еще пример: Litt etter litt fikk hun da frem at det - det var ikke kommet (Møte, 207).—"Наконец она рассказала, что "оно" — "оно" не наступило". Здесь местоимение употреблено вместо обозначения некоторых функций женского организма. Как видно из примеров, расшифровать значение эвфемизма можно только при помощи контекста. То же происходит и при эвфемистическом использовании многозначных слов: Så mens de jevnaldrende venninner allerede hadde sine første små eventyr (og ordet eventyr betydde ikke riktig det samme dengang som det betyr i dag)... (Hjemme, 1982, 12).—"Итак, в то время как ровесницы-подружки уже переживали свои первые маленькие приключения (а слово "приключение" означало тогда не совсем то, что значит сейчас) ...".

При появлении окказиональных эвфемизмов в тексте могут присутствовать некоторые указания на то, что происходит эвфемистическая замена. Указания эти бывают оформлены графически — тире или многоточием, обозначающими hesitation, курсивом и т.п. Встречаются также лексические выражения таких указаний в виде междометий или звукоподражательных слов, характеризующих психологическое состояние говорящего: Jeg er bare meg selv og hvis det skulle ha seg slik at jeg hadde kanskje en venninne, så ... (Illustrert, 1968, N 20).—"Я ведь одинок, и если бы случилось так, что у меня была бы — подруга, то..."... Men hadde dere ikke passet like godt på ham som på meg? Og også brukt andre... eh... overtalelsemidler? (Hjemme, 1982, 12).—"Но разве вы не следили за ним так же строго, как за мной? И тоже применяли другие ... э... методы убеждения?"

Довольно часто в художественном произведении встречаются вводные слова и обороты, подчеркивающие эвфемистический характер употребленного слова или выражения: Jeg tror ikke han er lykkelig med den konen. For å si det mildt (Møte, 42). "Не думаю, что он счастлив с этой женщиной. Мягко говоря", Jeg

fikk i sommerens løp et meget nye kunnskap til - hva skal jeg kalle det - hennes geografi (Møte, 157) "За это лето я очень подробно изучил - как бы это сказать - ее географический рельеф". Слово geografi обозначает здесь особенности фигуры девушки.

Привлекают внимание некоторые новые сферы расширенного применения эвфемистических замен. Зарубежные лингвисты склонны видеть в обилии эвфемизмов особенности восприятия окружающего мира; на наш взгляд, такая особенность может быть развита специально. В значительной степени это относится к эвфемизмам, применяемым при описании экономического и политического положения. Одним из ярких примеров является изменение обозначения понятия et tilbakeliggende land "отсталая страна" в underutviklet "неразвитая" и utviklingsland "развивающаяся" с окончательной формой uland, где полностью затупежано негативное значение первоначального термина. Уже на наших глазах родился эвфемизм åpen konflikt "открытый конфликт" или konfrontasjon "конфронтация" вместо пугающего "война". Показательно в связи с этим появление в норвежской печати ряда иронических замечаний о языке политических деятелей (Aktuell, 1968, N 8). Так, Й. Хаугланн приводит список клише-эвфемизмов: den økonomiske vekst i samfunnet kan bli større "экономический рост нашего общества может быть больше"; vår rustningspolitikk bør ta sikte på kontrollert nedrustning - "наша политика в области вооружений должна ориентироваться на контролируемое разоружение"; vår sosialpolitikk ennå ikke er fullkommen - "наша социальная политика еще не совершенна". Любопытен в этом плане отрывок из газеты "Верденс ганг": Ute på landet er det store spenninger, sosialt og politisk. Enkelte steder er det nesten borgerkrig. Programmet er svar på uroen på landsbygden (Verdens gang, 1981, Maj 18). - "В стране ощущается большая напряженность, общественная и политическая. В отдельных местах дошло почти до гражданской войны. Данная программа является ответом на волнение в сельских местностях". Пугающее "гражданская война" сменяется эвфемизмами "напряженность" и "волнения".

Другой заметной сферой применения эвфемизмов стали в последние годы названия профессий. Очевидно, речь идет о повыше-

нии социального престижа некоторых профессий, а также и о выгодной их "подаче". Наблюдения за текстами рекламы и объявлений по найму показывают широкое распространение наименований *ingeniør* "инженер" и *disponent* "заведующий", что вызвало замечание Ф.-Э. Винье о том, что старым представителям этих профессий придется, вероятно, подыскивать себе новые названия.⁷ Наблюдается все больше случаев употребления компонента *assistent* "ассистент", который позволяет приукрасить название второстепенной должности. Так, в одном номере "Аftenposten" (1981, 29 апр.) находим рядом *tegneassistent* "помощник чертежника", *kontorassistent* "младший служащий" и даже *kjøkkenassistent* "кухонный рабочий". Иногда возникает целый ряд таких эвфемистических обозначений: ср. привычное *vaskekone* "уборщица" заменяется облагороженными вариантами *rensjøringakone*, *rensjøringshjelp*, *renholder* и, наконец, *rensjøringssassistent*. В том же номере газеты находим такое объявление: *til istandsetting og renhold av våre hotellrom søker vi medarbeidere* "для поддержания порядка и чистоты в номерах отеля ищем сотрудников". В этом объявлении в качестве эвфемизма выступает нейтральное по своей семантике слово "сотрудник". В одном современном романе подобные явления вызывают раздраженный комментарий персонажа: "Ничего совсем не осталось просто рабочих, сплошь ассистенты, даже мальчишки-смазчики именуются не иначе как "ассистент по станкам" (*maskinassistent*)".⁸ Показательны также замечания Ф.-Э. Винье об употреблении термина *renovasjonsarbeider* "рабочий по очистке" вместо традиционного *sørreitt/sømer* "мусорщик". Видный норвежский лексиколог Даг Поннерсен видит в распространении нейтральных к обозначению пола элементов в названиях профессий (напр. *assistent*) отражение борьбы женщин за эмансипацию: включение в название профессии компонента, позволяющего пользоваться словом для обозначения работника мужского и женского пола, является показателем равноправия. Этот аргумент также свидетельствует о социальной значимости рассматриваемого явления.

Для эвфемистической замены часто используются слова, заимствованные из английского, французского, латини. Последние

встречаются в речи врачей, когда в разговоре с больными или их родственниками для смягчения высказывания врач называет болезнь по латини *cancer* вместо страшного "рак". Иностранскими словами оперируют и авторы рекламных объявлений, предпочитающие повышать интерес к товарам и избегать прямого названия неприятных факторов: показательно в этом аспекте употребление слов *perverigasjon* "перспирация" и *deodorant* "дезодорант" и абсолютное отсутствие "некрасивого" *svette* "пот". Интересно в этом плане быстрое распространение заимствованного *diskotek* "дискотека", как бы повышающее интерес к обычным танцам.

С социалингвистической точки зрения несомненный интерес представляет вопрос об использовании эвфемизмов в различных стилях и о социальной характеристике их использования. Решение его требует дальнейших наблюдений над материалом различного стилистического плана; бесспорно пока лишь то, что большинство узуальных эвфемизмов вошло в литературный язык, тогда как окказиональные являются принадлежностью устной речи. Основой пополнения эвфемистических рядов и появления новых эвфемизмов служат, вероятно, профессиональные аргы и заимствования, в какой-то мере просторечья. Например: *Hun antyda at han vel kunne ta med seg jenta hjem en gang, hvis det var ei fast jente da, og ikke hundre blomster (25 Sept., 212).* — "Она дала понять, что он может как-нибудь привести домой девушку, если это, конечно, его постоянная девушка, а не просто случайный цветочек". Однако слово, пришедшее из просторечья, не всегда принимается именно в силу своего характерного резкого звучания. Так, показательно в следующем отрывке различные способы обозначения понятия "сыщик": *Så du er en skikkelig nokk privat vishane, du? En Ola-lett-på tå? ... Enslags detektiv? — Jeg foretrekker etterforsker. Så høres det ikke ut som en eller annen kriminalfilm (Kvinnen, 15).* — "А ты и в самом деле настоящая норвежская частная ищейка? Ула-иши? Что-то вроде детектива? — Я предпочитаю слово "следователь". Тогда не так похоже на приключенческий фильм". Очевидно, что просторечное "частная ищейка" и иностранное "детектив" неприятны герою, в качестве эвфемизма употребляется нейтральное "следователь".

Явление эвфемии, как мы попытались показать, охватывает разные понятийные сферы, живет и развивается в современном норвежском языке.

П р и м е ч а н и я

- 1 Е п б о к om ord. Oslo, 1971, s.102.
- 2 Д а р и н Б.А. Об эвфемизмах. - В кн.: Проблемы языкознания. Л., 1961, с. 119.
- 3 У л ь м а н С. Семантические универсалии. - В кн.: Новое в лингвистике, вып.5 /Пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.А.Успенского. М., 1970, с. 255.
- 4 К а ц е в А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1977, с. 14.
- 5 Е s t r i n Н.А., М e h u s V. The American language of the 1970s. San Francisco, 1974, p.92.
- 6 К а ц е в А.М. Указ. соч., с.16.
- 7 V i n j e P.-E. Norsk språk. Oslo, 1972, s.55.
- 8 R o g s t a d A. Nevnen. Oslo, 1975, s.38.

С о к р а щ е н и я

- Møte - Н о e l S. Møte ved milepelen. Oslo, 1974.
25 Sept. - S o l s t a d D. 25. Septemberplassen. Oslo, 1975.
Kvinnen - S t a s l e s e n G. Kvinenn i kjøleskapet. Oslo, 1981.
Lyn gar - L y n g a r M. Ballonger. Oslo, 1981.

О.А.Комарова

Norske evfemismer fra et sosiolingvistisk synspunkt

Forfatteren behandler fenomenet eufemisme i norsk. Tradisjonelt har man betraktet eufemismer som uttrykk for hensynsfullhet eller følelse for det som er anstendig. Historisk sett er eufemismer tett knyttet til religiøse og moralske forbud. Artikkelen er et forsøk på å redegjøre for visse forandringer i dannelse og bruk av eufemismer i våre dager og undersøke om det eksisterer noen korrelasjon mellom det ekstralingvistiske og det språklige på dette feltet. Det legges særlig vekt på analyse av ord som leilighetsvis brukes som eufemismer både i privatlivet og i det offentlige språk. Materialet viser at eufemismer danner en dynamisk del av norsk ordforråd.